

Т.А. СНИГИРЕВА

(Уральский федеральный университет, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

А.В. СНИГИРЕВ

(Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1-3(Акунин Б.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,44

ИГРОВАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ («ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА» Б. АКУНИНА)

Аннотация: В статье анализируется историческая концепция Б. Акунина, положенная в основу нового проекта автора. Показано, как Б. Акунин сознательно, ради психологически комфортной рецепции исторического повествования читателем, идет на игровую модернизацию повествования не только путем нескрываемой авторской оценки описываемого, но и «переводя» архаичный язык летописей и историографов прошлого на язык современности. Предпринят анализ специфики соотношения истории и литературы, характерной для современного варианта интерпретации зарождения и становления российского государственности. Показаны механизмы систематизации и – одновременно – «одомашнивания» истории, исследованы формы презентации писательской оценки, присутствия автора в тексте, приемы установления диалога с читателем.

Ключевые слова: Б. Акунин, историческое повествование, авторская игра, модернизация, история как наука, история как искусство.

Излишняя доверчивость исследователей, пишущих о творчестве Б. Акунина, к его декларациям собственной стратегии и тактики, без учета всегдашней игровой установки писателя (и с читателями, и с интерпретаторами в том числе), может привести (и приводит) [см., например: Бабкова 2010] к определенной искаженности восприятия и оценки его «творческого продукта». Так, после выхода первого тома «Истории Российского государства» самоироничная реплика в блоге «Любовь к истории» («Новый Карамзин явился») спровоцировала почитателей Акунина отнести к его новому проекту как к попытке продолжить

богатую российскую историографическую традицию. А утверждение «Я не выстраиваю никакой концепции. У меня ее нет» [Акунин1 2014: 3], напечатанное большими буквами жирным шрифтом на странице «От автора» заставило «Русский репортер», журнал весьма недоверчивый и критичный, «повестись», в результате быстро объявить новый акунинский проект скучным и необязательным для нашего времени.

Но концепция, имеющая свою устойчивую традицию, в «Истории российского государства» есть, и она актуализирована как современными геополитическими тенденциями, так и авторским видением истории. Писатель нового рубежа не только не противопоставляет Россию-Европу России-Азии, а показывает сложное движение истории, в котором, если избавиться от стереотипов, азиатское столь же важно в нашей государственности, как и европейское. В первом томе Б. Акунин показывает, каких социальных и культурных высот сумела достичь Русь-Европа, но финалом главы «Жизнь в древней Руси», в которой подробно показан ее безусловно европейский уровень (от грамотности до зодчества, от положения женщин до отношений с Константинополем) стало утверждение отнюдь не благостного характера: «Вот какой бы была Русь во времена, когда она целиком принадлежала к европейской цивилизационной зоне: более зажиточной, свободной и образованной, чем в следующую эпоху. Но при этом Древнюю Русь можно назвать «неудавшимся государством» – к тринадцатому столетию в силу внутренних причин оно почти распалось, а при столкновении с серьезной внешней силой рухнуло окончательно» [Акунин1 2014: 383].

Основной вопрос, на который писатель пытается ответить: Россия-Азия – откат назад? И отвечает уже в первом томе во фрагменте «Вместо Заключения»: «Из-за двойственной европейско-азиатской конструкции Россию на протяжении ее истории много раз швыряло из одной крайности в другую. Страна то начинала заполошно “европеизироваться”, то шарахалась назад в “Азию”. Периоды либерализации сменялись “закручиванием гаек”, “заморозки” – “оттепелями”, реформы – контрреформами. Однако было бы заблуждением рассматривать “азиатскую” составляющую как трудноизлечимую болезнь или родовую травму

России. В исторической перспективе эта наша генетическая особенность не только создавала проблемы, но дарила бонусы.

Во-первых, без “азиатского” компонента Россия не была бы такой культурно и духовно могущественной страной, какой она сегодня является.

Во-вторых, примат “государственности” и “общинное” устройство массового сознания не раз помогали России пережить тягчайшие потрясения, которых не выдержало бы сугубо европейское государство (они и не выдерживали) <...>. Где бы мы были без “своей азиатской рожи”, без этой восточной неубиваемости?

Да и были бы?» [Акунин1 2014: 387].

Автор не устает повторять: «Современная Россия – плод брачного союза между Западом и Востоком, заключенного отнюдь не по любви, это уже потом как-то стерпелось-слюбилось. Впрочем, в истории по любви, кажется, и не бывает» [Акунин1 2014: 345]. Еще определеннее в томе «Часть Азии»: «на мой взгляд, правильнее было бы считать потрясения ордынского периода родовыми схватками государства, в котором мы с вами живем. Да, роды были мучительны, но без них не возникло бы России» [Акунин2 2014: 5].

Есть и система целей, обуславливающая причины, по которым успешный автор исторических детективов решился на иную форму диалога с историей. Прежде всего, это ряд причин «внутреннего порядка», созвучных кругу интересов автора: любовь к истории, постоянный интерес к потаенным ее нитям, малоизвестным фактам и героям, рожденное небанальными знаниями стремление к созданию индивидуально-авторской версии ее. Это – во-первых. Во-вторых, попытка уяснить, в первую очередь для себя, почему Россия стала такой, каковой она есть ныне. Уяснив, систематизировав, рассказать своим современникам: «Я пишу для людей, плохо знающих историю и желающих в ней разобраться. Я и сам такой же» [Акунин1 2014: 3]. Это уже причины «внешнего порядка», бывшие побудительными для многих серьезных историков и писателей.

Для понимания авторской стратегии в новом проекте важно и то, что Б. Акунин на протяжении всего повествования не только

постоянно отсылает к своим предшественникам, но решительно отвергает традиции «письма по заказу»: «В периоды, когда верховная власть по идеологическим соображениям начинала испытывать государственный интерес к исторической науке, ученые немедленно начинали искать не истину, а расположение начальства» [Акунин1 2014: 41]. Современный писатель встает на путь культуртрегерства в форме популяризации: как всегда новая эпоха и новый поворот движения страны требует новую историческую оптику. В этом смысле Б. Акунин опередил государственный заказ на единый учебник истории и создает в XXI веке, возможно, первый «авторский учебник истории», альтернативный государственному проекту, предлагая историю русского государства с точки зрения новой рубежной эпохи.

Акунин пишет историю «не страны, а именно государства», что даст возможность, по мнению писателя, ответить на главный для него вопрос: «как и почему Россия получилась именно такой»? [Акунин1 2014: 3]. Вопрос, изначально допускающий параллели с современностью, что характерно скорее романному, нежели историческому письму. И Акунин позволяет постоянные то тайные, то открытые выходы к нашим дням. Порой «в скобках» в прямом и переносном смысле: «(Не могу здесь удержаться от комментария, к которому еще вернусь в финальной главе: одним из самых негативных последствий ордынского периода нашей истории, на мой взгляд, является неразвитость понятия о чувстве личного достоинства. Унижаясь сами перед ханами, московские правители считали тем более нормальным унижать своих приближенных, а те, в свою очередь, поступали таким же образом с нижестоящими)» [Акунин2 2014: 184]; «Великий князь наделял дворян поместьями <...>, а кроме того *сажал на кормление* – позволял кормиться за счет занимаемой должности. (Взгляд на рабочее место как на источник дохода у российских государственных служащих окажется очень прочным, переживет смену всех формаций и, в общем, сохранится вплоть до нынешнего дня)» [Акунин2 2014: 373].

После выхода и первого, и второго томов, «Часть Европы» и «Часть Азии», Б. Акунин в блоге «Любовь к истории» неоднократно обращается к членам Благородного собрания, то есть по-

стоянным пользователям, с целым комплексом вопросов: не слишком ли затруднен / облегчен язык исторического повествования, насколько читабелен текст, замечены ли ошибки, как работает визуально-иллюстративный ряд и т. д. Автора явно интересует характер восприятия и оценки его нового проекта и, надо сказать, «Ордынский период» свидетельствует о том, что писатель слышит своего читателя и делает свою историю все более беллетризованной, то есть доступной для все большей аудитории. Главная забота Б. Акунина – сделать чтение одновременно и максимально познавательным, и максимально увлекательным. Так возникает двойной дискурс повествования: собственно исторический, основанный на общеизвестных фактах, и беллетристический, в рамках которого представлены субъективная интерпретация фактов и их оценка, что с безусловностью ведет к нехарактерной для исторической науки, но присущей исторической прозе интенсификации присутствия авторского «я» в тексте. Думается, именно поэтому, а не только безусловностью бренда «Б. Акунин», объясняется тот факт, что Г. Ш. Чхартишвили и в повествовании о становлении российской государственности вновь решил остаться под псевдонимом, оставляя тем самым себе определенный простор для литературных маневров.

Формы присутствия авторского «я» в предложенной Б. Акуниным новой систематике истории Российского государства весьма разнообразны, что, видимо, было обусловлено необходимостью «найти слой», обрести верную тональность повествования, соотносимую как с предметом изложения, так и с естественно-узнаваемой авторской манерой, его индивидуальным голосом. Поэтому и в нацеленном на передачу исторической канвы тексте Б. Акунин не отказывается от иронической игры, столь свойственной всему его творчеству. В данном случае писатель ведет своеобразную «игру на понижение», постоянно избегая самой возможности пафоса при описании даже трагических страниц русской истории. Предупреждая критику и упреки, ссылается на М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Разумеется, у воинственно-патриотичной части читательской аудитории уподобление России “городу Глупову” вызвало негодование, автора обвиняли в глумлении над русским народом и русской историей.

Но способность к самоиронии – одна из спасительных черт нашей культуры; без этих освежающих инъекций мы все давным-давно задохнулись бы от казенной патетики и сиропной сладости, всегда свойственных официальным трактовкам истории» [Акунин1 2014: 89]. Предупреждения, конечно, не помогли, и уже после выхода первого тома на Акунина обрушились традиционные упреки в его плохо скрываемой нелюбви к «титульной нации», что связано не только с допускаемой иронией, но и с решительной ломкой стереотипов, вновь в сторону снижения оценки того или иного политического деятеля или трактовки того или иного исторического факта [см., например: Макаркин 2008: 5; Шаманский 2002: 7]. Так, автор идет на весьма рискованную трактовку сюжета, связанного с походом 1185 года Игоря Святославовича: «Князья попали в плен, где их содержали с почетом и не слишком строго. Игорь сбежал, а его юный сын Владимир остался в плену и женился на дочери хана Кончака, так что, в общем, все закончилось по-доброму. Это и неудивительно. Князь Игорь был по матери наполовину половцем, внуком хана Аепы, а с Кончаком в прежние времена им доводилось вместе биться против общих врагов. Вся эта война вообще выглядит семейной или, во всяком случае, родственной ссорой» [Акунин1 2014: 233].

Б. Акунин относится к княжеской семье как-то «породственному, по-семейному», что своеобразно не только субъективизирует, но и интимизирует повествование: «Про великого князя Изяслава, занявшего киевский “стол” в 1054 году после смерти Ярослава Мудрого, хроника сообщает, что он был красив собой, толст (что тогда тоже считалось красивым), нравом незлобив, кривду ненавидел, правду любил; хитрости и лъстивости не ведал, был немстителен и “прост умом”. Последнее, увы, верно. Среди наследников Ярослава Мудрого очень умных вообще не оказалось» [Акунин1 2014: 238]. Известные герои истории предстают под пером Б. Акунина как люди весьма близкого «своего круга», со своими достоинствами и недостатками.

При некотором стремлении к внешней объективности Б. Акунин не скупится на прямые одобрительные или едкие оценки ставших «своими» героев. Он явно благосклонен к аван-

тюристам истории и также явно недолюбливает Владимира Красно Солнышко или Юрия Долгорукого. Сравните: «Характерной особенностью позднекиевского периода является то, что о “князьях-изгоях” рассказывать интереснее, чем о великих князьях. Каждый из князей-изгоев, этих неугомонных властолюбцев, обделенных Фортуной, – яркая личность и незаурядная судьба. Они не приспособивались к ситуации, а стремились ее изменить и тем самым, к добру или худу (обычно к худу), приводили в движение историю» [Акунин1 2014: 242]; «Имя Юрия Долгорукого прославлено в истории и известно всякому современному россиянину благодаря событию, которого, собственно, не было. Этот маловыдающийся князь считается основателем Москвы, в самом центре которой возвышается величественная конная статуя, протягивающая длань по направлению к мэрии» [Акунин1 2014: 298].

Б. Акунин открыто идет на игровую модернизацию повествования не только путем нескрываемой авторской оценки описываемого, но и «переводя» архаичный, порой выпендренный язык летописей на современный псевдо деловой стиль или сленг, тем самым намерено создавая комическую ситуацию, актуализируя параллели между днем давно ушедшим и сегодняшним, в котором можно увидеть те же самые социальные процессы и индивидуальные приемы поведения в определенных обстоятельствах: «Имелся и активный агент, который мог исполнить роль крови, циркулирующей по инфраструктуре удобного речного сообщения. Таким подвижным элементом были наемные вражеские дружины, не привязанные к определенному месту проживания и всегда готовые тронуться в путь. Не хватало лишь энергетического толчка, с которого начинается история любого государства» [Акунин1 2014: 72]; «Пограбив окрестности столицы, Олег устроил невиданное действо: приказал вытащить ладьи на берег, поставить их на колеса и, дождавшись сильного ветра, поднял паруса. Чудо-корабли покатались вдоль запертого Золотого Рога. Устрашенные этим виндсерфингом, греки запросили мира» [Акунин1 2014: 110]. Употребляя современную политическую лексику, Акунин может провести и прямую параллель: «Если воспользоваться аналогией с современными государст-

венными формами, Новгород был не конституционной монархией, где государь несменяем, хоть и лишен реальной власти, а парламентской республикой, в которой сплошь и рядом случались президентские импичменты» [Акунин1 2014: 337]. А знаменитый гобелен из Байё, где выткана хроника завоевания Англии норманнами, может хлестко, но узнаваемо назвать «средневековым комиксом».

По ходу разворачивания текста Акунин все увереннее устанавливает диалог со своим читателем. Во-первых, не скрывает собственные эмоционально-психологические состояния, характерные для описания того или иного периода истории страны: «Писать и читать о событиях XIII–XV веков – занятие поначалу весьма депрессивное. Однако настроение меняется. Процесс зарубцевания ран, возрождения волнует и завораживает. В нем есть что-то от русской сказок: Русь окропили мертвой водой, затем живой – и она воскресла, да стала сильнее прежнего» [Акунин2 2014: 4]; «Начиная с княжения Ивана Даниловича, рассказывать о событиях отечественной истории становится удобнее. Власть все более централизуется, а при монархическом правлении это означает, что она делается *олицетворенной*, то есть приобретает черты, соответствующие личным качествам государя» [Акунин2 2014: 260]; «Рассказывать о том, что последовало за триумфом 1380 года, очень обидно» [Акунин2 2014: 296]. Есть и моменты, особенно к концу первого тома, свидетельствующие о некой «усталости пера»: автор не скрывает, что ему несколько скучно писать об однообразии поведения и ошибок, ведущих к распаду государственности (см., например, главу «Невеликие великие князья»).

Во-вторых, писатель идет на прием «обнажения приема», например, объясняет логику выбранной им нетрадиционной композиции второго тома: «Для того чтобы понимать ход русской истории этого периода, я намерен вести повествование «от головы»: сначала буду вкратце рассказывать о том, что происходило в метрополии – при дворе великих ханов; затем, несколько детальнее, о событиях в “вице-королевстве” – Золотой Орде; и лишь после этого, уже подробно, о том, как «большая» и «средняя» монгольская политика отражалась на жизни интересующей

нас провинции великого азиатского царства – Руси» [Акунин2 2014: 141–142]; «Чтобы понимать перипетии ордынской борьбы за власть и значение этих потрясений для русской жизни, нам придется разобраться в запутанных взаимоотношениях четырех военных вождей, которые сыграли важную роль в отечественной истории: Тимура, Мамайя, Тохтамышша и Едигея» [Акунин2 2014: 253]. Или, усиливая доверительность тона, прямо объясняет нетрадиционные оценки традиционных героев или злодеев русской истории. Безусловно, Чингисхан для него вне этической системы координат, однако писатель предлагает целый веер описаний завоевателя, которые сопровождаются следующими оговорками и утверждениями: «Не знаю, следует ли этим гордиться, но Чингисхана можно считать нашим соотечественником. Он родился на территории современной Российской Федерации, в восьми километрах к северу от монгольской границы» [Акунин2 2014: 38]; «... одно из главных дарований Темучина: он очень хорошо разбирался в людях и умел привязывать к себе самых лучших» [Акунин2 2014: 39]; «Захватив в плен множество татар, народа ему враждебного и слишком многолюдного, Темучин велел всех мужчин истребить, а мальчиков провести мимо телеги: кто выше колеса – убить, остальных же отдать на воспитание в монгольские семьи. Очень рационально и ничего личного» [Акунин2 2014: 43]; «Небольшой народ стал могучей силой благодаря тому, что превратился в нацию, а произошло это вследствие, выражаясь по-современному, революционной национальной политики Чингисхана» [Акунин2 2014: 47]; «Пожалуй, можно считать Чингисхана “автором концепции” спецслужбы как опоры и кадрового резерва верховной власти» [Акунин2 2014: 48]; «Вероятно, это был первый завоеватель, сознательно и расчетливо использовавший методiku психологической войны» [Акунин2 2014: 61] и т.д.

В-третьих, установлению доверительных отношений с читателем способствует своеобразная местоименная игра, свойственная этому произведению писателя. В «Истории Российского государства «я = я», «мы = я», но весьма частотно и другая формула: «мы = ты (читатель): «Магистральная тема описываемого периода отечественной истории – драма страны, которая, завое-

ванная цивилизационно чуждым врагом, оказалась вынуждена модифицировать и свой собственный код – иначе она бы не выжила. Мы последовательно и подробно рассмотрим, как мучительно приспособлялась Русь к непривычным условиям существования <...>. “Азиатский сюжет” является главным; он настолько извилист и запутан, что, двинувшись по этому фарватеру, мы уже не будем от него отклоняться. Однако, как мы увидим, в развитие событий время от времени будет вторгаться и “европейский фактор” – почти всегда второстепенный, но тоже очень важный, в особенности для западных областей Руси. Я намерен посвятить этому предмету одну обзорную главу, которое даст общее представление об отношениях Руси с западными соседями в XIII–XV веках; полагаю, что этого будет достаточно [Акунин2 2014: 109]; «Самое время вернуться к роли личности в истории. На примере Мстислава Удатного мы видели, как действия одного человека могут привести целую страну к катастрофе. Чингисхан же привел свой народ, малочисленный и нищий, к неслыханному величию» [Акунин2 2014: 36]. Желание установить общность автора и читателя в усилении познать собственную историю являет себя в таких репликах, как «об этом мы еще поговорим», «...о которых мы поговорим в следующих главах...», «мы уже говорили о том...». Более того (особенно во втором томе) Акунин идет и на прямые обращения к читателю: «Так что давайте помнить русского литовца Довмонта Псковского» [Акунин2 2014: 129]; «Для нас с вами в переменах, случившихся в эту эпоху при дворе великих ханов, важнее всего то, что, начиная с Хубилая, они отказываются от идеи завоевания Европы» [Акунин2 2014: 157].

Акунин, и это принципиально важно, ни в коем случае не настаивает на том, что приводимый им факт не есть вымысел, что предложенная им интерпретация – истина в последней инстанции. Характерна постоянная оговорка автора: «Попытаемся реконструировать то, что происходило – или скорее всего происходило – на самом деле» [Акунин1 2014: 139].

Автор нового варианта отечественной истории делает все для того, чтобы чтение его труда было психологически комфортным. Не случайно сам называет свой текст «старопрежним» об-

разом: «... и это непосредственным образом касается темы моего сочинения...» [Акунин2 2014: 178]. Заглавная тема моего сочинения не предполагает подробного описания общественной жизни Руси, но все же...» [Акунин2 2014: 369].

Итак, историк и писатель Б. Акунин предлагает нам «сочинение на заданную тему», в котором стереотипная историческая канва подвергается игровой модернизации. Богатое визуальное сопровождение издания, в котором доминантным является взаимодействие исторического и художественного дискурсов, подтверждает существование в «Истории Российского государства» двух авторских стратегий, стратегий историка и литератора.

ЛИТЕРАТУРА

Акунин Б.1 Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. – М., 2014.

Акунин Б.2 Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период. – М., 2014.

Бабкова Н. Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии. Автореф. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. – Улан-Уде, 2010. – <http://www.dissercat.com/content/funksii-postmodernistskogo-diskursa-v-detektivnykh-romanakh-borisa-akunina-o-fandorine-i-pe>

Макаркин А. В. Россия, которую мы не теряли. Борис Акунин создает эпос нового типа // Сегодня. 2008. № 7.

Шаманский Д.В. Plusquamperfect // Мир русского слова. № 1, 2002.

©Снигирева Т.А., 2015

©Снигирев А.В., 2015